

Олег Валерианович, одна из последних ваших работ в кино — главная роль в «Предсказании» Э. Рязанова, фильме в значительной мере автобиографическом и для самого режиссера, и для вашего поколения. Признаться, меня он несколько разочаровал. Как вы считаете, вам удалось как-то реализовать в нем свои нынешние настроения?

— Пусть фильм и не из лучших, в нем много натянутого, и я об этом Рязанову говорил, но мне он очень дорог как одна из попыток не столько зафиксировать наше сегодня, неопределенное и порой просто ужасное, а осмыслить его и — а для меня это главное — найти в нем нечто, дающее надежду на спасение.

— И это нечто есть любовь. — А что еще? И, по-моему, вряд ли нужно по этому поводу иронизировать. Только взаимная любовь, причем в широком толковании, и доброта могут помочь нам выжить. Если эта мысль столь банальна, то почему в жизни она всем нам столь трудно дается? Меньше бы ненависти и злобы, дела, я имею в виду реформы, пошли бы быстрее. Они должны идти как можно быстрее, иначе — беда.

— Думаю, многие измученные и уставшие люди с вами не согласятся и подумают: не лучше ли притормозить?

— А что, собственно, тормозить? Третий год на одном месте топчемся. Все разговоры о том, что нельзя торопиться, — чистой воды демагогия старых партаппаратчиков, председателей колхозов, этих стародубцевых и варениковых. Чего они хотят, нам известно. А люди должны понять, что собаке хвост рубят один раз. Попробуйте сделать это в несколько приемов — покороче, покороче, еще чуть покороче — и она не выдержит. Другое дело, что нынешние власти бесконечно виноваты в том, что сами, своими руками резко увеличили лагерь оппозиции, социально и материально унизив огромную категорию людей — ветеранов войны, пенсионеров, малоимущих, работников культуры, науки, учителей, врачей, то есть тех, кто составляет соль земли. Большинство из них обеспечило демократам приход к власти, теперь же они настроены отрицательно. А ведь можно было что-то сделать, чтобы такого положения избежать. К сожалению, когда я, еще будучи депутатом, попытался сузиться с какими-то своими идеями на сей счет, то был высмеян.

— А что вы предлагали? — Я исходил из того, что нельзя ставить на одну стартовую позицию, условно говоря, академика Лихачева и молодого бизнесмена. Естественно, академик через пять шагов упадет. Поэтому я предлагал как бы вывести определенную часть общества за скобки реформ, обеспечив им достойный уровень существования. Пусть занимаются своим делом или просто отдыхают на пенсии, не страшась очередного скачка цен. Мне ответили, что ничего сделать нельзя. Но почему? Почему правительство не предприняло никаких мер для спасения всех этих людей? Это же его прямая обязанность. Я ведь не голословно утверждаю, что кое-что сделать было возможно. Вот вам пример.

Время нелегкое, а в Петербурге вместо пятнадцати работает сто театров, я точно не знаю цифру. Объясняется это тем, что в свое время наша комиссия по культуре бывшего российского парламента, прекрасно понимая,

как резко ударят реформы по театрам, вместе с тогдашним министром Ю. Соломиным постарались в буквальном смысле «подложить соломки» под падающий театр — где-то зарплату повысили, где-то дотации увеличили, спонсорскую систему, и довольно мощную, придумали. И сделали это заранее. Вот и открываются, несмотря ни на что, новые театры. Большинство же наших коллег, представлявших другие профессиональные сферы, трагично время на политические игры.

— Может, это покажется бестактным, но театральной братии просто повезло: заботливый и энергичный депутат, да еще и министр — актер.

— Вы правы. Именно поэтому многие, и я в том чис-

— Это модель идеальная, наша жизнь пока от нее далека.

— А сколько лет насчитывает наш российский парламентаризм, включая и дореволюционный?.. Повторяю, самое главное сейчас — это приучить людей к мысли, что мы живем в парламентской республике, что только через парламентаризм можно добиться определенного политического баланса. Взять булыжник, орудие пролетариата, и раздробить кому-то голову можно, конечно, но дальше-то что? Будем снова все одинаковыми. С одинаково раздробленными головами.

— Вы были на ноябрьской встрече интеллигенции с президентом. В прессе она вызвала резонанс скорее ирониче-

— Наш президент способен на это?

— Довольно длительное время он был таким человеком, аккумулируя и буквально пробивая идеи демократической интеллигенции. Сегодня он в сетях старого госаппарата, что не удивительно, поскольку грамотные чиновники могли набираться только из его недр. Каково среди них число его сторонников? Мы как-то на это закрываем глаза. Когда-то мы все вынесли его на волне ожидания демократии наверх, а потом, когда он перестал в каких-то вещах оправдывать наши надежды, либо скисли, либо отвернулись. Может быть, пришла пора снова помочь ему «намагнититься», если, конечно, он захочет сделать такое усилие.

просто деваться некуда. Далее, мы пытались доказать Ельцину, что судебная власть сегодня откровенно поддерживает старый режим и профашистские группировки и издания. По-моему, о каждом из таких фактов надо говорить и напоминать, если они забылись. Скажем, достаточно давно, когда А. Невзоров был впервые отстранен Б. Курковой от эфира, в Петербурге прошли демонстрации, явно выходившие за рамки дозволенного законом. В Конституции записано, что, если в данном случае никем из граждан не возбуждается уголовное дело, его обязан возбудить в индивидуальном порядке сам прокурор. Посылаю письмо прокурору города с запросом, почему он не использу-

большей степени доверяют. Как вы это объясните?

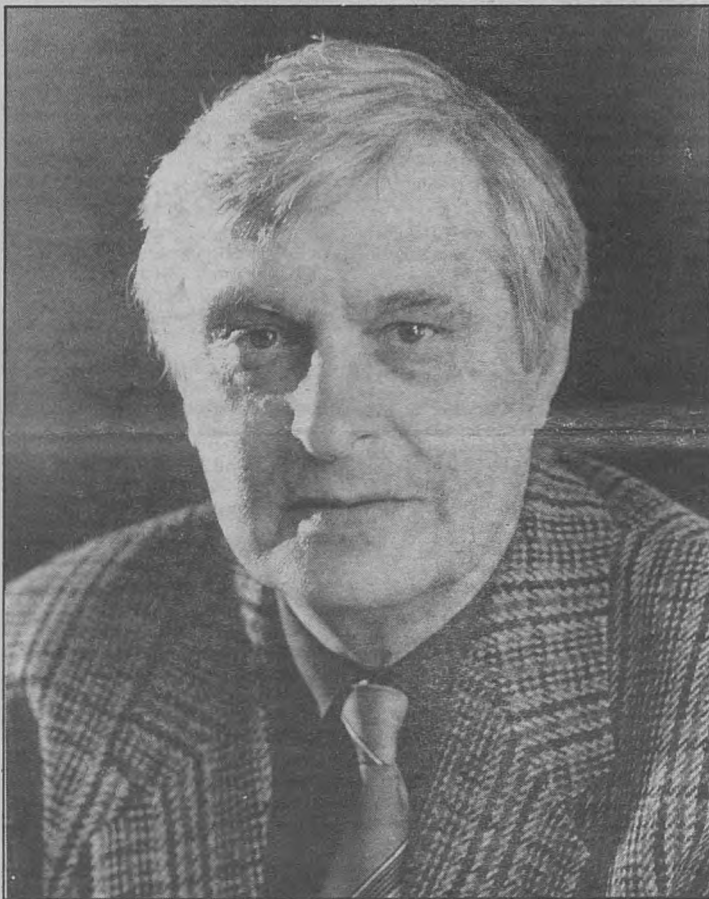
— Ничего об этом не слышал, и, признаться, это приятно, как-то трогательно. Почему я? Да, наверное, потому, что никогда не вру и в ошибках своих искренен. Я ведь многого в политике не знаю, не понимаю, оттого порой случалось говорить и нелепые вещи. Люди чувствуют это.

— Вы как-то связываете это со своим актерским имиджем?

— Нет, пожалуй. Для меня моя актерская профессия и общественная деятельность — вещи все-таки разные. Я вхожу в «Выбор России» и пытаюсь его всячески укреплять. С другой стороны, вижу, как много в нашем демократическом движении

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

случалось говорить нелепости, но я никогда не лгал

ский. Некоторые из ее участников, говоря о своих впечатлениях, не скрывали чувства горечи и пессимизма.

— В чем-чем, но уж в иронии нашей прессе не откажешь. Но на ней далеко не уедешь. Кроме того, однажды ирония может обратиться против самой прессы, а именно тогда, когда пришедшие к власти господа Жириновские и Зюгановы в лучшем случае дадут ей пинка под зад, а в худшем начнут за это место подвешивать. Тогда, может быть, она поймет, что зря издевалась над пусть неумелыми, пусть нелепыми попытками группы порядочных людей хоть что-нибудь в стране изменить. Что нас всех туда привело? Скажу о себе — мне могут что угодно говорить о Ельцине, но я, достаточно много видя его, убеждался в том, что он умеет слушать.

— Кого? — Представьте, президент должен уметь выслушивать всех, ибо он избран народом. Он по сути своей — та магнитная стрелка, которая на основе массы различных показателей указывает основное направление.

Вот что привело меня на встречу с ним.

— Ваше ощущение?

— Не знаю, возможно, это заблуждение, но мне показалось, что некоторые выступления, в первую очередь Б. Окуджавы, Д. Лихачева, Г. Бакланова, приоткрыли ему глаза на вещи, о которых он попросту не знал.

— Так чего же не знал наш президент?

— Прежде всего, того, что власть в стране теряет свое значение, что в ней не действует закон, что правоохранительные органы, находясь в подвешенном состоянии, стараются ни во что не вмешиваться, что на них и на судебную власть никакой надежды нет, они не выполняют своих функций, хотя требуют за это огромные взятки. Поэтому многие совместные предприятия, акционерные общества и отдельные граждане предпочитают обращаться в сложных ситуациях не в суд, а к воровским авторитетам, устраивающим разборки по своим законам. И это ныне норма.

— Для тех, кто имеет деньги.

— Конечно, а всем нам

есть свое право. Через два месяца получаю ответ от его заместителя — прецедента нет. Значит, нет прецедента, если по городу шагают молодчики со свастикой, что вовсе торгуют «Майн кампф» и «Беседами за обеденным столом» Геббельса. И прокуратура, которая должна бороться против всего этого протестовать, наоборот, это поощряет, ибо фашистские организации — выкорыши КПСС.

— А какие-то сдвиги в расследовании нападения на Бэllu Куркову есть?

— Помилуй Бог, о чем вы говорите! Кто в этом заинтересован? Во всяком случае, не правоохранительные органы Петербурга. Для меня здесь все достаточно прозрачно. Грядут выборы, телевидение — прекрасный рупор. Куркова дает эфир всем, кроме фашиствующих. Что ж, надо ее несколько урезонить и прибрать телевидение к рукам. Поначалу пускается в ход прекрасно продуманная органами провокация — взятки, мол, берет. Не удается это доказать, зато любопытная деталь — некто Сыроежкин, числившийся в ее замах и более всех в ее деле усердствовавший, вдруг остается в США с большой суммой казенных денег, выданных якобы на приобретение аппаратуры. И ему это сходит с рук, никто его не разыскивает. Видимо, отъезд был разрешен в качестве платы за содеянное.

Случай в парадном — вторая попытка. И, знаете, я отнюдь не исключаю последующих. Куркова многих раздражает вспыльчивостью, непостоянством, но это я выношу за скобки, за это не следуют. Она раздражает своей честностью и тем, что твердо стоит на демократических позициях.

Что касается преследования журналистов в целом, то это проявление террора, которого, говорю сразу, надо серьезно остерегаться. Я лишь удивлен, что он начался так поздно.

— По результатам одного из социологических опросов вы вошли в десятку известных деятелей, кому люди в наи-

неумелости, детскости. Поэтому я снялся у Шахназарова в фильме «Сны», где демократы предстают в довольно глупом виде.

P.S. Наша беседа с Олегом Валериановичем состоялась до начала войны в Чечне. Поэтому он счел необходимым сделать к ней небольшое добавление.

— С начала трагедии в Чечне мы, группа петербургской интеллигенции, трижды письменно обращались к президенту. В первый раз требовали отменить ввод войск, во второй — не допустить бомбежки и человеческих жертв. В третий раз напомнили ему, как вздрогнула Россия, когда он просил прощения за пролитую кровь трех молодых людей, как гордились мы им тогда. Неужели, писали мы, вы хотите войти в историю как убийца с кровавыми руками? Никакой реакции, ни одного ответа не последовало. И вот тут я хочу взять обратно некоторые из моих слов. Вот видите, ошибся. Теперь я считаю, что президент безнадежно разучился слушать и понимать тех, кто был истинным его сторонником во все трудные минуты жизни страны, да и его собственной жизни. Если ты зылся за возрождение России, то обязан идти до конца по пути реформ, думая не о своей личной судьбе, а о народе. Сегодняшнему Ельцину этого не дано, он потерял себя. Думая о причинах, я все больше убеждаюсь, что это яркая иллюстрация того, что происходит с людьми, лишенными истинной внутренней культуры, глухими к этой сфере жизни. Не случайно на той ноябрьской встрече именно разговоры о плачевном состоянии культуры в нашем обществе остались гласом вопиющего в пустыне. Иосиф Бродский однажды сказал, что человек, прочитавший Диккенса, никогда не сможет взять в руки винтовку. Замечательная мысль, поскольку именно культура вырабатывает в человеке чувства, не позволяющие ему убить ближнего своего. Достаточно взглянуть на лица тех, кто ведет войну в Чечне, и все становится ясно. А возьмите лица Сахарова, Ковалева, может быть неправильные, некрасивые, — каким внутренним светом они озарены. Обратите внимание, сколь быстро исчезают с лица нашего президента отблески этого света.

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ. Фото ИТАР-ТАСС.